

УДК: 343(571)

DOI: 10.18324/2224-1833-2021-2-166-173

Криминальная субкультура, как механизм криминализации сибирского общества досоветского времени

А.А. Сысоев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Лермонтова, 110, Иркутск, Россия
daosss1972@yandex.ru

Статья поступила 2.04.2021, принята 21.04.2021

Пенитенциарная система самодержавия являлась не только мощным и действенным инструментом реализации уголовно-исполнительной политики российского государства, но и оказывала всеобъемлющее влияние на общественные отношения значительной части сибирского населения. Активное и широкомасштабное перемещение уголовных преступников в Сибирь привело к их критической концентрации среди местного населения, и как следствие, к глобальному воздействию криминальной субкультуры на жизнедеятельность сибиряков.

Ключевые слова: криминология, уголовная преступность, криминализация общества, противоправное поведение, алкоголизация, криминальная субкультура, притон, общественные отношения, уголовная ссылка, нравственность.

Criminal subculture as a mechanism of criminalization of pre-Soviet Siberian society

A.A. Sysoyev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 110, Lermontov St., Irkutsk, Russia

daosss1972@yandex.ru

Received 2.04.2021, accepted 21.04.2021

The prison system of the autocracy was not only a powerful and effective tool for implementing the penal policy of the Russian state, but also had a comprehensive impact on the social relations of a significant part of the Siberian population. The active and large-scale banishment of criminals to Siberia led to their critical concentration among the local population, and as a result to the global impact of the criminal subculture on the life of Siberians.

Keywords: criminology, crime, criminalization of society, illegal behavior, alcoholization, criminal subculture, hangout, public relations, criminal banishment, morality.

Традиционно в отечественной юридической науке феномен криминальной субкультуры связывают с ее носителями — лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы» [1, С. 3]. Между тем, исторический опыт ссылки уголовных преступников в Сибирь открывает иные аспекты этого опасного социального явления, оказавшего существенное влияние на криминализацию общественных отношений населения восточных окраин Российской Империи.

Наказание для наиболее опасных представителей общества в форме ссылки стало практиковаться уже в XVII столетии. Именно к этому времени относятся первые царские указы, заменявшие смертную казнь уголовных преступников ссылкой. Разбойников наказывали «отсечением перста левой

руки, и ссылкой в сибирские города с женами и детьми», фальшивомонетчиков — «ссылкой в Сибирь на вечное житье... на пашню» [2].

Дальнейшая эволюция отечественной пенитенциарии привела к тому, что к 1753 г. на вечную каторгу в Сибирь стали приговариваться все категории преступников, ранее подлежавших смертной казни. С этого времени, по мнению известного этнографа Сергея Васильевича Максимова, «из русских губерний отправляли в Сибирь ежегодно около 10 тысяч человек, из которых до 8 тыс. назначалось на поселение» [3, С. 318]. В результате уже к 1836 г. на восточных рубежах Империи было сконцентрировано 83555 чел., высланных из метрополии за различные правонарушения [4, С. 16].

Во второй половине XIX столетия темпы «штрафной колонизации» стали опережать ежемесячный прирост местного населения. На 18610 младенцев, появившихся на свет в Иркутской губернии на протяжении 1880-1885 г., приходилось 21698 правонарушителей, сосланных в край за этот же период [5, С. 5]. В соответствии с данными начальника главного тюремного управления Александра Петровича Соломона, общее количество ссыльных составляло тогда «почти 1/6 настоящего народонаселения края» [6, с. 133].

Всего же в XIX столетии, по приблизительным оценкам отечественных исследователей, на территорию Сибири выслали около 900 тыс. чел. [7, С. 32]. Фактически к 1897 г. в Сибири находилось 298577 чел., перемещенных из южных и центральных областей империи за различные правонарушения.

В Восточной Сибири, куда традиционно ссылали за совершение наиболее тяжких проступков, к этому времени отбывало наказание около 142391 чел. При этом, наибольшее количество ссыльных общим числом в 71800 чел. оказалось сконцентрировано в Иркутской губернии. Несколько меньшее их количество пребывало в Енисейской губернии — 51019 чел. В процентном соотношении к местному населению Енисейской и Иркутской губерний количество осужденных правонарушителей составляло 9,1 % и 14,2 % соответственно [8, С. 231].

Однако, практикуемая система распределения ссыльных по поселкам и деревням на местах в пропорции 1/5 приводила к еще большей концентрации последних среди сибиряков. Кроме того, по оценке царских чиновников, «самое распределение по селениям производили по правилам недостаточным и противоречащим» [9, с. 5,6]. В результате на местах действительного причисления в Иркутской губернии доля ссыльных составляла от 26,3 % в среднем, до 33,5 % - в Верхонском округе [6, с. 3].

Представляя к началу I Мировой войны от 43,78 % [6]. до 46,08 % [10, с. 148]. всего мужского населения Иркутской губернии, ссыльные уже преобладали в большинстве поселков края, «занимая, по донесениям полицейских чиновников, господствующее положение» [11, Л. 10].

В связи с этим, показателен отчет исправника Нижнеудинского уезда за 1915 г., в котором сообщалось: «Большую часть жителей уезда составляет ссыльный элемент, потомки ссыльных и разные подонки общества, высланные как вредные элементы из Европейской России» [11, л. 11].

Ситуация усугублялась отсутствием контроля за значительным количеством осужденных, систематически и самовольно покидавших места ссылки и каторги. По сведениям российского

криминолога Дмитрия Андреевича Дриля, «половина поселенцев не оставалась на своих местах причисления, а из них половина превращалась в бродяг» [12, С. 158]. Отечественные исследователи оценивают количество находящихся в «безвестной отлучке» к 1898 г. в 45610 чел. Особенно много их было в Иркутской губернии — 29403 чел [8, С. 229].

В надежде обрести документы и средства к существованию, основная масса беглецов устремлялась к административным центрам края. «Именно в Иркутске, — утверждал С.М. Максимов, — у беглых имелись наиболее благоприятные возможности для обзаведения поддельными документами. Здесь они набирались и новыми силами, и новыми сведениями» [3, С. 228]. Похожая обстановка складывалась в другом губернском городе Красноярске, который, со слов представителей местной администрации, «наводняли бродяги и злодеи из числа большого количества ссыльных» [13, С. 290].

В результате ссыльные превалировали даже в тех местах, где постоянное проживание для них было запрещено, представляя, в конечном счете, по сведениям полиции, «как бы командующий слой населения» [14, Л. 40].

Критическая концентрация ссыльных наблюдалась в поселках, расположенных около каторжных заводов. В окрестностях Карийских золотых промыслов, Петровского железоделательного и Александровского винокуренного заводов возникли так называемые «Теребилочки» и «Юрдовки» — особые кварталы, населенные выпущенными на пропитание арестантами, ссыльными и бывшими каторжными, вышедшими на поселение.

Современники тех событий утверждали, что «сюда шли жильцами всякие, кому не был знаком честный труд, здесь помещался явный разврат и темный промысел, направленный на приобретение чужой собственности..., в них сходилась самое испорченное отребье общества, формировались преступные сообщества и шайки» [15, С. 93]. По единодушному мнению сибиряков, эти поселки, «представляли собою в полном смысле слова вертепы и притоны пьянства, разгула, разврата и преступлений» [12, С. 12].

Подобная жизнедеятельность ссыльных обуславливалась их мировоззрением, сформированным на основе криминального опыта. Преступное прошлое ссыльнопоселенцев решающим образом детерминировало жизнедеятельность окружавшего их населения. Оказавшись в местах компактного проживания сибиряков, соприкасаясь с ним при решении бытовых вопросов, ссыльные служили проводниками своего образа жизни и при-

вычек, приобретенных в тюрьмах, на каторжных работах и этапах.

Эта новая для жителей Сибири, привнесенная извне субкультура носила достаточно агрессивный характер. Она вторгалась в общество, взламывая его изнутри, девальвируя общепринятые ценности, насаждая свои правила и нормы поведения.

«Безнравственность ссыльнопоселенцев пускает глубокие корни даже между старожилами», — отмечали по этому поводу отечественные этнографы. По мнению исследователей сибирской действительности, благодаря негативному воздействию ссыльных, «исчезало прежнее простодушие сибиряков, которым они так славились..., леность, беспечность и затем плутовство всякого рода становились главными основаниями их действий» [16, С. 81].

К похожим выводам пришел Д.А. Дриль. «Ссыльные, утверждал криминолог, оказывают самое развращающее влияние на местное население, портят его характер и развивают в последних многие неблагоприятные черты, составляют истинный бич общества. Своею испорченностью, склонностью к праздности, пьянству и разным преступлениям вносят порчу в семейства старожилов, развращают молодое поколение и словом, и делом, увлекая его во все пороки» [12, С. 164].

В полной мере пагубное воздействие уголовной ссылки на жизненный уклад сибиряков сказалось уже в начале XIX столетия. Безудержное потребление алкоголя, повсеместное распространение венерических заболеваний и высочайший уровень криминализации общества характеризовали положение на большинстве сибирских территорий.

Отмечая глубокие перемены в общественных отношениях, Иркутский губернский воинский начальник Владимир Константинович Андриевич указывал, на «сильное развитие пьянства в сибирском населении..., огрубелость нравов и низкий нравственный его кругозор» [17, С. 164].

Пьянство, признаваемое современниками, как «общий порок всего рода арестантов» [15, С. 100], экспортировалось уголовной ссылкой наиболее активно и поражало сибиряков со всеми возможными для этого явления масштабом и беспощадностью на протяжении многих десятилетий.

В результате уже к середине XIX столетия ситуация с потреблением алкогольных напитков в Восточной Сибири стала критической. По сообщениям местной прессы, «пьянство сделалось недугом в буквальном смысле повальным». В 1863 г. корреспонденты «Иркутских Епархиальных ведомостей» писали о том, что «в Иркутске на улицах валяются мужчины и женщины; встречаются молодые девицы и даже дети, едва держащиеся на

ногах; трудно найти трезвую прислугу из обеих полов. Редко встретишь мастерового, от которого бы чуть свет не пахло вином; толпы нищих волочатся пьяные. На каждом перекрестке в глаза бросается зараза невоздержания» [18, С. 553].

К 1875 г., согласно данным главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей, каждый взрослый мужчина в Енисейской губернии выпивал в течение года четыре с половиной ведра водки (авт. — 1 ведро = 12,29 литра).

Красноярский краевед Леонид Павлович Бердников приводит данные о том, что к указанному времени для удовлетворения возросших потребностей населения в Енисейской губернии действовало 12 винокуренных, 13 водочных, 3 пивоваренных заводов, 86 оптовых складов и 1400 предприятий розничной торговли. Только в одном Енисейске было организовано более 50 питейных заведений. Один кабак приходился тогда на 300 жителей города. Темпы распространения алкогольных предприятий на порядок превосходили прирост населения. За год оно увеличивалось на 0,6 процентов, а число винных магазинов — на 13,6 [19, С. 281,282].

В дальнейшем ситуация только усугублялась. По официальным данным к началу XX столетия Иркутская губерния занимала лидирующее положение в Империи по среднему потреблению вина. Наибольшие показатели алкоголизации населения отмечались в административных центрах Восточной Сибири. Здесь они превышали среднестатистические данные по городам России на 72 %.

Особо велико потребление алкоголя было в Забайкальской и Якутской областях. К 1905 г. на одного взрослого жителя Читы и Якутска приходилось 5,44 и 5,00 ведра водки соответственно [20, С. 2]. Спустя год показатели по Забайкалью составляли уже 7,25 ведра на человека [21, С. 2].

К 1910 г., по справке акцизного управления, в Иркутской губернии ежегодно продавалось до 700000 ведер водки. Каждая иркутская семья выпивала около 196,6 литров в год, затрачивая на алкоголь более 130 руб.» [22, С. 1]. Иркутяне не останавливали ни более высокая стоимость водки, превышающая среднероссийские цены на 1-1,5 руб. за ведро, ни ее пагубное воздействие на потомство. По этому поводу сибирские хроникеры сообщали, что «подростающая молодежь идет по стопам родителей, принимая самое деятельное участие в попойках, безобразничает на улицах, а дома до полу-смерти избивает родителей» [23, С. 7].

Драматическая ситуация складывалась и на селе. Уступая горожанам по статистике казенной продажи алкоголя, сельские жители превосходили их в его реальном потреблении. И если по официальным данным на каждого жителя Забайкаль-

ской области в 1910 г. приходилось 0,62 ведра водки [24, С. 1,2], то практически не поддавалось учету потребление алкоголя кустарного производства и контрабандного спирта, ввозимого из Манчжурии. Только в течение 1911 г. при реализации казенным ведомством на территории Забайкалья 6988942 литров водки, по примерным расчетам, было ввезено контрабандой около 3318300 литров китайского спирта [23, С. 7].

Как следствие, по мнению современников тех событий, «обстановка, в которой жила деревня, напоминала больше обстановку питейного дома». Очевидцы утверждали, что в сельской местности «пьют все мужчины, женщины, старые и молодые, и даже подростки..., наблюдаются даже такие случаи, что в сельскую школу приходят в нетрезвом состоянии ученики не старше 12 лет» [23, С. 7].

Неизбежным итогом высокой алкоголизации сельского общества становилось обнищание его духовных и нравственных ценностей. Исключения не составляли даже престольные праздники, которые во многих случаях превращались в торжество темных человеческих начал. Типичными в связи с этим являлись события, произошедшие в деревне Зуи во время празднования Святой Пасхи в 1909 г.

«Первый день, сообщали корреспонденты местной прессы, крестьяне ходили по селу с иконой, молились, принимали причастие со крестом..., на следующий день вина пили больше и отчаянно били друг другу стекла в окнах, в тот же день кого-то пырнули..., ночью стреляли из ружей..., на третий день праздник достиг своего апогея: по улицам нельзя было пройти, и женщины вынуждены были отсиживаться в избах». Завершился же престольный праздник для селян только после визита уездной полиции и ареста 13 человек [25, С. 28].

В другом сибирском селе Биликтуй, расположенном в 60 км от губернской столицы, ежегодное массовое потребление алкоголя приобрело статус традиции. Крестьяне называли этот период «белым месяцем». С наступлением июля начиналось безудержное потребление водки. Случайные свидетели пьяной вакханалии отмечали: «Все биликтуйские крестьяне придаются сплошному пьянству. Кругом пьяные лица, шум, ругань и драки. Около магазина постоянно жаждущие, их целая толпа. По улицам располагаются группы с четвертями и бутылками» [26, С. 2].

В такой атмосфере неизбежно размывались семейные устои и деградировали моральные нормы. Местные корреспонденты писали, что «под влиянием пьянства разложение семейной общественной жизни идет быстрыми шагами» [23, С. 7]. Развязность, половая распущенность, характерные для

уголовных преступников и их жизни, неотвратимо проникали и в семьи коренных сибиряков.

В результате среди местного населения, как о само собой разумеющемся говорили, что «бойкие, рослые и видные бабы за Байкалом сильно попивают и скоромничают в разговорах, а нравственностью не славятся» [27, С. 312]. Более радикальную оценку поведению сибирячек давал Серафим Серафимович Шашков. По мнению этнографа, «большинство сибирских поселений походило на огромные дома терпимости, в которых мог удовлетворять свои плотские инстинкты каждый приезжий» [28, С. 682].

Современники тех событий отмечали по этому поводу, что «легкая нравственность, выражаемая термином прелюбодеяние, представлялась в женском населении Сибири явлением довольно обыкновенным». В некоторых случаях, утверждали отечественные исследователи, «разврат оправдывался, как промысел». Так С.В. Максимов, описывая выход из тайги золотопромышленных рабочих, указывал что в «Енисейске к ним навстречу выходили мещане с женами и девками..., отцы поили вином, бабы и девки зазывали в баню» [15, С. 312, 313]. По сведениям публициста А. Ордынского, в качестве оплаты услуг фальшивомонетчиков местные купцы, «доставляли им в пользование своих жен и дочерей» [29, С. 65].

К 1877 г. уровень уличной проституции в столице Восточной Сибири достиг больших масштабов. Как сообщал иркутский летописец Никита Степанович Романов: «На Большой ул., после 9 ч. вечера, женщинам было опасно ходить без сопровождающего» [30, С. 367]. «К этому времени в Красноярске девушек и женщин, промышленливых развратом, насчитывались целые сотни», — утверждает местный краевед Софья Леонидовна Лонина. Описывая быт и перипетии несчастных, автор указывает, что «нередко проституировать начинали с двенадцатилетнего возраста..., а часто на скользкую дорожку разврата ставила свое детище сама мать» [31, С. 112].

Такое падение нравственности в Сибири отчасти стимулировалось самим самодержавием, пытавшимся восполнить недостаток в женском населении восточных окраин за счет, «значительного класса публичных женщин в столицах Империи». По мнению членов Правительствующего сената, «публичных женщин по достижении 20-ти, 25-ти лет, ежели они крепкого сложения, отсылать следовало в Сибирь» [16, С. 86].

С известной регулярностью суждения царских чиновников претворялись в жизнь. В 1759 г. было решено «в видах восполнения недостатка женщин в Сибири, поселить на Сибирскую линию годных для замужества ссыльных женщин» [32, С. 261]. Согласно Указу 17 мая 1763 г. «О лечении распут-

ных женщин» несчастных отправляли на поселение в Нерчинск. В 1800 г. по Указу Павла I определили, «развратных женщин, какие есть в обеих столицах, батогами бить и отсылать прямо на Иркутские фабрики» [7, С. 275].

Между тем, как указывает отечественный историк Григорий Фельдштейн, «надежды правительства, рассчитывавшего этой мерою благотворно подействовать на ссыльных женщин, не оправдались...: из-за крайней распущенности женок и девок оседлое население тщательно избегало их» [27, С. 157]. Сибирские жители полагали, что «такие развратные женщины, часто заражаемые сифилисом, удрученные чахоткой и цингой, не могли быть ни хорошими женами, ни прародительницами здорового населения» [32, С. 261].

Тем не менее, правительство не прекращало попытки интегрировать выслаемых преступников в сибирское общество. В некоторых случаях за вступление в брачные отношения с осужденными женщинами предлагались деньги. По сведениям Л.П. Бердникова, именно их поведение «больше всего тревожило местную власть...: они были гораздо агрессивнее и опаснее мужчин» [19, С. 24].

В том, что коренные сибиряки крайне неохотно принимали в семьи тех, от кого отказалось общество центральных и южных областей России, не было ничего удивительного. Зачастую низкая нравственность и преступные наклонности ссыльных соседствовали с физической немощностью и инфекционными заболеваниями. В 1830 г. медицинский инспектор Восточной Сибири отмечал по этому поводу, что «сифилис распространили в Сибири преимущественно ссыльные, которые в совместном продолжительном пути следования, предаваясь распутству, заражали друг друга, принесли эту заразу в Сибирь» [33, С. 623].

Благодаря этой особенности жизнедеятельности ссыльных, в крае произошло повсеместное распространение венерических заболеваний, пагубное действие которых сказывалось десятилетиями, поражая все новые и новые поколения сибиряков. По оценке отечественных криминологов, «сифилис, приносимый ссыльными партиями, натурализовался в крае, и были целые деревни, им зараженные, и целые поколения, от него вымершие» [12, С. 165].

О беспрецедентном распространении сифилиса, «которым в Сибири сильно страдает русское население, и от которого вымирают инородцы», — сообщал в своих работах С.С. Шашков. Автор утверждал, что центрами распространения сифилиса в Восточной Сибири служили Кяхта, Верхнеудинск, Якутск и Енисейск. Ярмарки этих торговых центров привлекали даже население отдаленных районов и, как писал этно-

граф, «никогда не обходились без самого грубого разврата» [28, С. 683].

В таких условиях наиболее разрушительное воздействие со стороны ссыльных оказывалось на инородческие общества Восточной Сибири. Более восприимчивые ко всему новому, и практически не знавшие уголовной преступности, инородцы наиболее быстро попадали под пагубное влияние пришельцев.

Об особой актуальности этого явления заявлял в конце XIX столетия глава российского пенитенциарного ведомства А.П. Соломон. По мнению действительного статского советника, в результате инициативы Иркутского губернатора И.П. Моллериуса о разрешении подселать ссыльных к инородческим обществам, «смирные, трудолюбивые иркутские буряты, славившиеся искони своей честностью и не знавшие почти никаких преступлений, познакомились и с кражами, и с более тяжкими преступными деяниями против собственности и личности» [34, С. 128]. Похожая ситуация сложилась и у представителей другой этнической группы — якутов. Этнографы отмечали, что они «боялись и ненавидели ссыльных, сознавая вредное их влияние на своих сородичей, у которых последние учились организованному воровству и разбою» [35, С. 222].

Изменения, происходившие в общественных устоях сибирского общества, девальвировали правовое самосознание, стирая грань между противозаконными деяниями и честным трудом, существенно повышая уровень криминализации местного населения. Обогащение преступным путем уже не считалось чем-то постыдным. Наоборот, по сведениям А.П. Щапова, «сибиряки рассказывали, как факт самый обыкновенный, что тот или иной нажился не добром, а кражей или убийством, что вот такой -то в прошлом году ходил бедняком, в лохмотьях, а ныне купил дом за 300 рублей» [36, С. 63].

Подобные убеждения о выгоде противоправного ремесла весьма часто проецировались на общество самими преступниками. Указывая на это, отечественные криминологи отмечали: «Между простолюдинами ссыльные толковали о выгоде воровства, мошенничества, хвалили умение делать монету, производить грабежи» [12, С. 165].

Интерес к криминальному миру подогревался и представителями местной прессы, заявлявшими со страниц печатных изданий, что «источников быстрого обогащения допускалось, кажется, только два: или много золота намыл, или же купца убил» [37, с. 29].

«Бывали случаи, — сообщали одни сибирские корреспонденты, — что грабежами на трактовых дорогах занимались лица из интеллигенции, имевшие свои дома и магазины или находившие-

ся на видных должностях, по довериям обществ» [38, С. 108]. Другие же публицисты утверждали: «В Сибири было много состоятельных семейств, главы которых нажили состояние подделкой и сбытом фальшивых ассигнаций» [27, С. 65].

Об успешности совмещения криминальной карьеры и коммерческих предприятий свидетельствовали и реальные биографии именитых промышленников и купцов. Так, грабителем обозов на московском тракте начинал свою карьеру «король сибирских ямщиков» миллионер Евграф Кухтерин. Разбойником и уголовным ссыльнопоселенцем был и родоначальник известных забайкальских купцов Кандинских – Петр Алексеевич.

Благодаря таким примерам финансовое благополучие и удача в сознании сибирских обывателей оказались неразрывно связанными с противоправными деяниями и образом уголовных преступников. А термины «варнацкое слово, варнацкая честь», по наблюдениям этнографов, были «хорошо известного сибирякам нового элемента» и ассоциировалась у последних с честным купеческим договором» [15, С. 17].

В специфических условиях Восточной Сибири криминальная среда стремительно интегрировалась в общество. Местное население и представители преступного мира были вынуждены сосуществовать на ограниченных территориях в общем социальном пространстве, вольно и невольно перенимая образ жизни и культуру своих не всегда желанных соседей.

Достаточно быстро изменилось отношение к представителям властных структур. Сибиряки уже не столько доверяли и содействовали полиции, сколько препятствовали ее деятельности. «На желаемое содействие со стороны жителей рассчитывать нельзя, а зачастую наоборот неоднократно приходится изобличать жителей в сокрытии мест пребывания преступников», – заявляли правоохранители [14, Л. 57].

Все чаще отношения между населением и представителями уголовной ссылки приобретали статус взаимовыгодных. Широкое распространение среди сибиряков получило явление укрывательства беглых и содержание притонов.

О том, что «содержание притонов является неизбежным и непобедимым злом во всех окольных селениях, ближайших к казенным заводам и рудникам», сообщал своим читателям С.М. Максимов. По мнению этнографа, «в Сибири подобные деяния были до такой степени ярки и знаменательны, что укрывательство беглых представляло одну из коренных основ, на которых зиждилось сибирское хозяйство» [15, С. 210].

Получение прибыли любыми противоправными путями, зачастую в форме преступного промысла уже не воспринималось обществом, как не-

что из ряда вон выходящее. Наличие большого количества беглых неизбежно порождало спрос на поддельные документы, временный кров с одной стороны и практически бесплатную рабочую силу с другой.

По утверждению Н.М. Ядринцева, «сибирское крестьянство любило бродяжий труд, потому что он был дешев». Многие крестьяне, проживавшие в глухих местах вдалеке от трактов, принимали по 5 и более беглецов. При этом бродяг не жалели и использовали, как рабов. По сведениям Николая Михайловича, «иногда крестьяне, хотя и давали плату бродяге, вслед за тем в лесу обирали его или убивали..., бывали случаи, когда мужики убивали бродягу, чтобы не заплатить 2 рубля» [39, С. 74].

Практически полная безнаказанность противоправных действий в отношении ссыльных обуславливала наличие особого промысла – охоты на горбачей (горбач – беглый с котомкой за плечами – авт.). Бродяг выслеживали и убивали. Отечественный публицист Иван Гаврилович Прыжев приводит пример, когда «за каждого пойманного преступника начальство Петровского завода платило 10 рублей ассигнациями, а за убитого – 5 рублей» [40, С. 187].

Такое материальное стимулирование привело к появлению профессиональных охотников среди сибирских инородцев. С.В. Максимов писал по этому поводу, что «между бурятами велись такие молодцы, которые иногда целью своей жизни ставили охоту за горбачами» [3, С. 208]. В результате по сведениям Н.М. Ядринцева, «масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам..., их просто стреляли, как зверя». По мнению ученого, таким образом во второй половине XIX в. погибало до 2/3 бежавших преступников [41, С. 189].

В конечном итоге сибиряки, частично перенявшие у ссыльных преступников их культуру и образ жизни, оказались более расчетливыми и жестокими «учениками». Используя осужденных, как источник противоправных доходов, местное население не останавливалось даже перед убийством с целью наживы.

Многолетняя практика «штрафной» колонизации Сибири породила феномен массового распространения криминальной субкультуры среди гражданского населения вне пенитенциарных учреждений Империи.

Активное и широкомасштабное переселение маргиналов к Восточным окраинам привело не только к их критической концентрации среди местного населения, но и к глобальному воздействию криминальной субкультуры на жизнедеятельность сибиряков.

Это воздействие имело комплексный характер. Изменялись коренные устои и образ жизни, воз-

никали новые отношения и традиции. Значительная доля сибирского населения оказалась поражена на физиологическом уровне алкогольной зависимостью и венерическими заболеваниями. Снизились моральные нормы поведения. Практиковались помощь беглым и укрывательство преступников, а содействие представителям власти порицалось. В некоторых случаях противоправное поведение оправдывалось уже, как основной источник дохода, и реализовывалось сибирским населением в форме промысла.

Литература

1. Шемякина В.В. Криминальная субкультура в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2010. 24 с.
2. Полное собрание законов Рос. империи: Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1. № 105. С. 348.
3. Максимов С.В. Каторга империи. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 480 с.
4. Анучин Е.Н. Материалы для уголовной статистики России. Исследования о процентах, ссылаемых в Сибирь. Тобольск, 1866. 243 с.
5. Статистика в вопросах ссылки и переселенческом // Иркутские губ. ведомости. 1890. № 11. С. 5.
6. Силягин А.П. Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы. СПб.: Гос. тип., 1898. 31 с.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. 547 с.
8. Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири XVIII-начала XX вв: сб. ст. / под ред. А.М. Горюшкина. Новосибирск, 1975. 304 с.
9. Прутченко С. Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления // Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г. в строе управления русского государства. СПб., 1899. Прил. № 1. С. 5-6.
10. Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М.: Тип. -лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1891. 271 с.
11. Отчет исправника Нижнеудинского уезда за 1915 г. // Гос. архив Иркутской обл. (ГАИО). Ф. 32. Оп. 34. Д. 18.
12. Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. Из личных наблюдений во время поездки в новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь. СПб., 1899. 174 с.
13. Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 364 с.
14. Докладная записка начальника Иркутского сыскного отделения за 1910 г. // ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2846.
15. Максимов С.В. Сибирь и каторга: в 3-х ч. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871. Ч. 2. 353 с.
16. Заметки о Сибири // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском ун-те, 1861. (июль-сентябрь). С. 81.
17. Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири основанный на данных предоставляемых полным Собранием Законов и сенатским архивом. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. Ч. 2. 400 с.
18. Пьянственная эпидемия // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1863. № 34. С. 553.
19. Бердников Л.П. Вся красноярская власть. Очерки истории местного управления и самоуправления (1822-1916). Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1995. 315 с.
20. Пьяная Сибирь // Сибирь. 1910. № 192. С. 2.
21. Пьяна статистика // Голос Сибири. 1911. № 141. С. 2.
22. Слово Архиепископа Серафима о необходимости борьбы с пьянством // Иркутские губ. ведомости. 1912. № 254. С. 1.
23. Пьяный вопрос // Сибирские вопросы. 1912. № 12-13. С. 7.
24. Потребление вина в Сибири и пьянство в Иркутской губернии // Сибирь. 1912. № 257. С. 1-2.
25. Литовицын А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 42. С. 28.
26. Наши корреспонденты // Сибирь. 1909. № 161. С. 2.
27. Фельдштейн Г. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния. М.: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1893. 191 с.
28. Шашков С.С. Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. 1867. № 17. С. 683.
29. Ордынский А. Забайкалье и монголо-буряты буддисты // Сибирский наблюдатель. 1902. № 7. С. 65.
30. Романов Н.С. Иркутская летопись 1857-1880 гг. Иркутск, 1914. 432 с.
31. Бердников Л.П. Лонина С.Л. Два века красноярского самоуправления: история и современность (1822-1917). Красноярск: Издательские проекты, 2003. 288 с.
32. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032-1882 гг. / под ред. В.И. Вагина. Иркутск: Тип. штаба Вост.-Сиб. военного округа, 1883. 778 с.
33. Шашков С.С. Собрание сочинений. СПб.: Изд-во О.Н. Попова, 1899. Т. 2. 336 с.
34. Соломон А.П. Ссылка в Сибири. Очерк ее истории и современного положения для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900. 392 с.
35. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды: сб. ст. /

- под общ. ред. С. Мельника. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1908. С. 222.
36. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5-ти т. / под ред. А.П. Окладникова. Л.: Наука, 1968. Т. 3. 530 с.
37. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 29.
38. Рубцов С.Н., Сысоев А.А. Из истории уголовного сыска Иркутска // Иркутск: события, люди, памятники: сб. ст. по материалам журнала «Земля Иркутская» / сост. А.Н. Гаращенко. Иркутска: Отгиск, 2006. С. 107-114.
39. Бродячее население Сибири // Дело. 1868. № 11, отд. 1. С. 74.
40. Прыжов И.Г. 26 Московских пророков, юродивых, дур и дураков. И другие труды по русской истории и этнографии. СПб.: ЭЗРО, 1996. 240 с.
41. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.